

Потерянный кот, или Противоестественный отбор

Конец марта в российской глубинке совсем иной, нежели в столице. Это ощущаешь все явственней с каждым километром пути отдаления от нее. Москва (этот "Бермудский треугольник", который без возврата поглощал твоё время, силы и чувства, и в эти весенние дни уже переживший последнюю схватку с зимой и уже празднующий победу над ней) остается позади, скучная, серая и уже совершенно сухая. Иное дело за городом — там весна уже началась, но еще не победила окончательно. Поля с озимыми по обе стороны дороги (которую в прошлом году после ремонта еще можно было называть дорогой, да и то, обладая хорошим воображением, нынче, по прошествии зимы, опять превратилась в бесконечное чередование маленьких рытвин и больших ям), уже скинули ватное одеяло серо-белого снега и зеленеют вопреки плохому настроению природы. Лесные заросли тревожат своей темнотой на фоне холодного еще неба, которое никак не хочет открывать глаза в бирюзовую радость настоящей весны. Пьеса весны здесь, за городом, уже началась, но никак не желает играть в нужном темпе. По обочинам дороги и в оврагах еще лежит ноздреватый, как мокрый сахар, серо-голубой и грустный снег. Но изредка вдруг откуда-то, словно проснувшись и очнувшись от скуки, вдруг появляется солнце, и все оживает вокруг. И мокрая разбитая дорога уже не кажется такой кошмарной и непреодолимой, и деревья уже не кажутся такими грустными и навсегда коричневыми — вдруг видишь, что в каждом стволе, по каждой веточке зеленым светом движется сверху весенний сок земли, жизнь. Весна!..

Таким вот днем мы ехали по просторам весны в нашу новую обитель для души, дом в деревне. Ехали обживать свое деревенское счастье со всеми домашними. И везли с собой в машине самого главного в семье — белого пушистого домашнего кота Снежка. Котик был огромный по меркам всего кошачьего населения столицы. С наглым и самоуверенным выражением золотисто-желтых солнечных глаз. Он знал себе цену и потому разговаривал с нами всеми в исключительных случаях — только когда хотел есть. А поскольку имел статус всеобщего любимца в семье и никогда не бывал голоден, то можно сказать, что не разговаривал вовсе. Кот-молчун был философом. В то время, когда не спал, сидел с умным, но отсутствующим выражением на лице, глядя в никуда, и казалось, размышлял о чем-

то великом и недоступном нам, приставленным к нему волею случая для прислуживания. И все мы по сценарию судьбы должны были радоваться этой счастливой случайности, сведшей нас для знакомства с ним. Весь его снисходительный вид постоянно напоминал нам об этом, не давая позабыть это обстоятельство ни на минуту. Мы приняли эти правила и поклонились своему коту-божеству неустанно.

Снежок был одет в белую песцовую шубку, которая на груди его шелковилась наподобие белого жабо, спускаясь до кончиков лап с острыми коготками. Хвост был пушистым и, как у лисы, — черно-бурым. Такое же пятнышко, наподобие короны или шапочки, — между маленьких ушек с кисточками на кончиках. В общем, и в самом деле — по-царски был одет котик наш.

Я размышляла, трясясь в машине, правильно ли мы поступили, взяв с собой нашу белую особу царских кровей в деревню. Он и слова-то такого — *земля* — от рождения не слышал. И ногой не ступал по ней ни разу. Как ему там будет? И что будет с его замечательной белой шкуркой? Запачкается ведь непременно... И отмою ли я его дома до выставочной красоты и чистоты? Опять буду покусанная и поцарапанная, как обычно во время "помойки" кошачьей — воды он как истинный представитель кошачьего племени не любил вовсе.

Вот такие мысли одолевали меня, пока мы отдалялись от Москвы, приближаясь к новым заботам и радостям земным. Снежок дремал у заднего стекла этаким сугробчиком снега, и когда нас обгоняли машины, то сидящие в них обязательно оборачивались посмотреть, что же это такое едет-то с нами у заднего стекла?

К месту, куда так стремились наши души, мы не сумели доехать засветло, солнышко в марте рано спать ложится. Дорога из плохой превратилась в очень плохую, грунтовую, но совершенно размытую после таяния снегов и еще не просохшую. Она напоминала скорее болото с небольшим количеством кочек, по которым наша машина по такой темени уж точно бы не довезла нас до нашего жилища. Сомневаюсь, что и танк преодолел бы такое... Решено было переночевать в машине до рассвета, а там видно будет. То ли нас машина повезет, то ли мы ее доволочем-дотолкаем до места...

Снежок вдруг забеспокоился, запросился из машины... Понятное дело — столько часов спать... Давно пора бы. Пришлось выпустить его на волю. Предполагалось, что он, сделав свои кошачьи дела, вернется на свое насиженное место и продолжит смотреть сны до утра. Но это только предполагалось. Наш белый пушистый кот, оказавшись на земле, присел

и огляделся... Потом рванул со всех ног в сторону леса. Мы, никак не ожидавшие такого коварного поступка с его стороны, стояли, замерев от неожиданности и не в силах сообразить, что же нам нужно сделать, чтобы вернуть нашего Снежка обратно. Тем временем белое пятно, напоминавшее скачущего по темноте ночной зайца, скрылось из виду окончательно.

— Вот это да!.. — растерянно произнесла я. — И что теперь?.. Он же в сторону леса понесся... Где его там теперь искать?..

Отец натянул болотные сапоги, взял фонарь и, вздохнув, отправился на поиски. Мы топтались около машины и кричали в темноту: "Снежооок... Снежооок!". Темнота не откликалась.

Некоторое время нам виден был луч света от отцовского фонаря, но потом и он пропал. "Не хватало еще, чтобы отец потерялся вместе со Снежком", — подумала я... И тут вдруг из темноты он и вынырнул, запыхавшийся и, как мне показалось, напуганный. Я не ошиблась. Отец, без фонаря, который был им обронен где-то, бежал от кабана. Вернее, от кабаньих.

— Быстро в машину, — произнес он. — Я наткнулся на трех полосатых поросят... Они у меня из-под ног брызнули с визгом... значит, и мать их где-то рядом... а с ней лучше не встречаться.

— А как же Снежка наш?.. Не попался на глаза?.. Как же он-то теперь?.. — волновались мы, тем не менее, быстро возвращаясь на свои места и запирая зачем-то изнутри двери.

— Утром найдется, куда он денется. Он белый, на черной земле — хорошо виден. Найдется... утром, — сказал отец, и мы стали ждать утра.

Но ни утром, ни на следующий день, ни через несколько дней, которые мы потратили на прогулки по раскисшему лесу в поисках нашего котика, Снежок так и не объявился.

Мы не могли находиться там вечно — "Бермудский треугольник" столицы ожидал дани и звал к себе. Я подумала перед отъездом — здесь у нас еще один объявился... "Бермудский треугольник"... проглотил кота нашего... Наверное, нужно смириться с этим, хоть сердце и плачет по нему не переставая... И мы вернулись в город.

В начале мая, как и всем дачникам, к которым мы присоединились, нам выпала счастливая неделя "отдыха по посадке" всего, чего только можно посадить на собственной земле. Радостное чувство собственности и свободы в деревенской действительности, нам еще не так хорошо знакомое, но уже греющее душу, гнало нас из города прочь — на собственную землю. В городе, где тебе ничто не принадлежит (квартира — государственная, работа — государственная, отдых — распланированный, опять же,

государством...) нельзя испытать этого чувства обладания. В городе ты ничем не обладаешь, это город — владеет тобой.

Мы возвращались в деревню, предвкушая несколько дней освобождения от городской тирании. Кругом уже пело лето. И дорога показалась не такой утомительной. И небо бирюзило с высоты своей улыбкой. И лес, уже набравший зеленого цвета, приветствовал нас, качая головами деревьев. И была маленькая надежда на то, что отыщется потерявшийся наш котик...

Сумасшедшие горожане, которым, как оказалось, принадлежат все дома в деревеньке нашей, уже съехались на посадку картошки, и деревня не напоминала больше, как то было в марте, покинутое людьми и забытое Богом поселение. Местные, с колхозной фермы деревенские дядьки бродили от дома к дому, предлагая городским свои услуги по земляным работам в обмен на бутылку... Не миновали они и наш домик. Я же каждому жаловалась на потерю (еще в марте) кота-любимца и просила, если где увидят его, чтобы отловили и принесли беглеца к нам, за что обещала расплатиться все той же бутылкой. Каждый из них огорченно качал головой, просил предоплаты — уж тогда-то точно кот отыщется, и все будут счастливы... Я же была непреклонна — меняю кота на бутылку и никак иначе... никаких предоплат!

Результат моих переговоров с местными дядьками не заставил ждать долго. Уже следующим днем с утра пораньше в дверь начали колотиться вчерашние дядьки... один за другим... с шевелящимися мешками в руках. Первому я обрадовалась — кинулась развязывать "живой" мешок, из которого выскочил черный драный кот с подбитым глазом и с шипеньем дунул в огород, только его и видели. Принесший его парень, такой же черный и неумытый и тоже с подбитым глазом, был очень похож на принесенного им кота. Я подумала, что, похоже, он своего кота мне принес, чтобы обменять на обещанную бутылку. Я попыталась объяснить, что кот вовсе не мой, мой — белый и красивый, городской кот, а этот что?.. На что парень открыл рот, дынул на меня вчерашним перегаром и спросил: "А ты уверена, что не твой, то есть?.. Может, просто не узнала его, позабыла?.. А что он не белый — так сколько времени прошло-то?.. Перепачкался он, по лесу блуждая, отмоется... верно слово говорю — отмоется!.. Особенно если его с хлоркой постирать — отмоется. Верь мне — я не вру!" — убеждал он меня. Я поняла, что без бутылки его не выпроводить. Вручив ему обещанное, которое он тут же спрятал за пазуху, и закрывая за ним дверь, я увидела, что по тропинке к нашему крылечку, прихрамывая и покачиваясь,

движется еще одна фигура с мешком, который шевелился... и не только шевелился, но еще и издавал звуки, которых слушать не хотелось по причине их истошности. Сердце мое подпрыгнуло от радости — это Снежок там, в мешке!.. А кричит так — одичал за время скитаний по лесу без хозяйской ласки и внимания, беденький!..

Пришедшая личность, покачиваясь, протянула мне мешок и сказала: "На, хозяйка, забирай кота, давай бутылку, как обещала!..". И икнула...

Я кинулась развязывать мешок, приговаривая: "Снеженька, миленький, нагулялся, паршивец мой!..". Мешок прыгал под моими руками и кричал уже охрипшим голосом. Едва мне удалось распутать веревку, которой была замотана горловина мешка, как из него с истошным криком вырвался полосатый облезлый кот, похожий на камышового... Впрочем, рассмотреть его мне не удалось — котяра скрылся в том же направлении, что и первый... Сиганул в приоткрытую дверь, выскочил с ревом в огород и исчез, будто его и не было. Пришлось и этому "несуну" отдать бутылку за принесенного кота. Хоть и не мой кот был в мешке.

В течение дня таких "несунов" у меня побывало несколько. И все принесенные ими коты (была даже одна кошка, и два кота в одном мешке, как было сказано пришедшим — на выбор) покидали наш дом одним и тем же путем, как будто все было отрепетировано ими заранее. Вечером, пересчитав остатки привезенной "стеклянной валюты" и поняв, что теперь всю работу по посадкам придется делать самим, без помощи деревенской силы, которую оплачивать было уже нечем, я сказала, что все! Хватит!.. Завтра ни одному с мешком, с котом или без кота — ничего больше не дам!.. Жив Снежок если — сам объявится, нет — так что поделаешь?..

Назавтра явились еще трое с котами и жаждой, плескавшей в мутных глазах. Я пожалела их — налила по рюмочке и выпроводила, не расплатившись вожделенной ими бутылкой. Коты бежали из дома в огород же. Тропка, которая была оставлена ими от двери до ограды, была явной и использовалась нами впоследствии как самый короткий путь в том направлении. Далее их передвижения отслежены не были.

О Снежке нашем мы теперь вспоминали в прошедшем времени. Раздумывая, заводить нового котика или подождать, пока белоснежный наш позабудется окончательно...

Тяжкий для городского жителя с непривычки деревенский труд отвлек нас от грустных мыслей, и мы не заметили, как пришла пора возвращаться в город.

Через три недели мы вернулись, чтобы провести в деревне все лето.

Я с ужасом думала, как бы снова не началась эпидемия по приносу к нам в дом на опознание чужих деревенских котов с непременной расплатой стеклянной валютой с моей стороны. Но, слава Богу, местные жители уже позабыли про это, а я больше не плакалась им о потере.

Домик наш стоял в отдалении от основной улочки, скорее, он напоминал хуторок, и дорога, ведущая из-за пригорка в деревню, была как на ладошке из наших окон. Однажды вдалеке среди зелени я вдруг увидела белое пятнышко. Испугавшись, что сбежал один из калифорнийских наших кроликов, сходила и пересчитала их. Все на месте... "А может, это Снежок был?" — подумала я, снова взглянув в окошко, но белое пятнышко среди зелени уж исчезло. Померещилось, решила я... Но теперь часто всматривалась вдаль, в надежде вновь увидеть белое на зеленом.

Как-то соседка наша, тетушка местная, зашла и рассказала, что какой-то белый кот гуляет вокруг деревни. "Не нашенский он, точно, не нашенский — у нас туточки все полосатые да черные коты водятся... — приговаривала она. — Верно, ваш будет... которого ты по весне потеряла"...

Я не смела верить ее рассказу, но спустя некоторое время сама вновь увидела что-то белое на дороге, уже ближе к дому... Может, вернется Снежок? — закралась бредовая мысль... Да какое вернется, куда? Он же в доме-то в этом ни разу не был, по пути сюда потерялся... Не знает он нашего дома.

Мы стали выносить к тому месту, где появлялось белое пятнышко, блюдечко с молоком и оставлять чуть в сторонке от дороги. На следующий день блюдце было пустым, но кота своего так и не видели. Да и он ли выпивал молочко?..

Как-то раз я, возвращаясь по этой дороге домой, краем глаза заметила существо почти белого цвета, сидящее рядом с блюдечком в высокой траве. Существо отдаленно напоминало нашего Снежка, но только отдаленно. Оно сидело тихо, спрятавшись за высокими колосьями, и смотрело на меня выцветшими глазами. Уши почему-то были свернуты в трубочку. Грязно-серого цвета, это только издали он казался белым... на фоне зеленой травы... Я позвала его по имени... Существо сжалось от звука моего голоса, но не двинулось с места, не убежало, а рассматривало меня внимательно, прислушиваясь. Было видно, что оно меня пытается вспомнить, но это плохо ему удастся. Одичал наш Снежок совсем, подумала я, но жив ведь!.. Жив!

Я наклонилась к нему и протянула руку, чтобы погладить... но он отпрыгнул в сторону и зашипел. Не вспомнил — расстроилась я. Нет, так я его не отловлю... Надо накинуть что-то на него. Я сняла ветровку и на-

бросила на кота, потом сама рухнула на него сверху... только бы не раздавить его — промелькнула мысль... Не раздавила. Но была покусана. Кто бы мог подумать, что наше домашнее чудо, которое землю-то только из окна видело, выучилось кусаться...

Домашние мои, увидев, что я возвращаюсь с шевелящимся свертком в руках, заявили сразу, смеясь: "Если кота опять принесла — бутылки не проси! Не дадим!".

Я закинула вырывающийся сверток, не разворачивая, в соседнюю с кухней комнату и быстро закрыла дверь. В стеклянное маленькое окошко мы увидели, как кот начал носиться по комнате, снося все на своем пути. Снежок это был, Снежок... только совершенно одичавший и тощий. Я вынула из холодильника рыбешку, приоткрыла дверь и бросила ее в комнату. Снежок заглотнул рыбку целиком и сразу. И сразу успокоился. Через некоторое время мы увидели, что он мирно спит на кровати.

Только спустя несколько часов мы осмелились зайти в комнату. Котик наш измученный даже не проснулся. Знакомиться вновь начали только утром следующего дня. Обоюдная наша недоверчивость исчезла не сразу, но исчезла. Кот не выходил из дому несколько дней, такое впечатление, что вновь боялся потеряться. Постепенно стал приходить в себя. Дал себя искупать, отмылся до белого цвета. Уши, видимо, примороженные во время скитаний еще в мартовские ночи, зажили. Хвост, некогда пушистый и красивый, а теперь тяжелый и спутанный от репейников, который долго пытались привести в порядок, в конце концов, был пострижен и начал обрастать заново. Вот только глаза его, выцветшие и ставшие какими-то прозрачными, такими и остались на всю жизнь, но приобрели со временем прежнее выражение достоинства и пренебрежения ко всему происходящему вокруг.

К середине лета Снежок совершенно оправился, привык к нам заново и начал потихоньку осваивать деревенское пространство. Даже не каждую ночь возвращался домой. Мы перестали волноваться о нем, зная, что кошек в деревне не обижают, а он теперь за себя постоять может, в этом мы уверены были.

Как-то, к осени ближе, соседка сообщила, что ее кошка Машка, полосатая мышеловка, родила беленьких котят, и все — с черными хвостиками и пятнышком на голове между ушками. В другой деревне — тоже появились такие же деточки...

В следующем году, когда мы вновь приехали на лето в деревню, обнаружилось, что в округе появилась новая порода кошек, белых и пушистых

с черными хвостами. Деревенские были довольны ими — и мышей ловят, и телевизор по вечерам с хозяевами вместе смотрят... только вот маркие они для деревенской жизни — грязь на них видна очень... А вы слышали, чтобы кошек в деревнях мыл кто-то когда-то? Я — не слышала.

Снежок наш, возвратившись с нами в город, полностью вернулся и к укладу своей прежней городской жизни — на землю смотрел только с подоконника первого этажа, даже не пытаясь спрыгнуть вниз. Только иногда, когда сидел и по-прежнему о чем-то думал, казалось мне, что вспоминает он свои деревенские весенне-летние, приключения... и ждет с нетерпением очередного лета.

Дюссельдорф

